

© 2017 г.

Е.Ю. СЕРГЕЕВ

РУССКИЙ ОКТЯБРЬ 1917 года В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Сергеев Евгений Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

В последние годы дискуссия о характере и этапах революционных событий в России, изменивших не только историю нашей страны, но и оказавших колоссальное влияние на судьбы современной цивилизации, получила новое развитие.

Заметный вклад в понимание событий, отстоящих от нашего времени на столетие, может внести изучение проблемы восприятия революционных событий 1917 г. общественностью зарубежных стран, прежде всего – Великобритании как самого влиятельного члена Антанты, продолжавшей военные действия против государств Четверного союза.

В отличие от реконструкции американского взгляда на Октябрь 1917 г., которую мы находим в монографии В.К. Фураева¹, британская тема до настоящего времени не получила должного освещения в отечественной и зарубежной историографии. За исключением книги близкого по взглядам коммунистам Р. Пейджа Арнота, увидевшей свет в середине XX в., а также вышедшей в начале 1980-х годов работы университетских профессоров Ф. Норсэджа и О. Уэллса², специальные исследования этой темы отсутствуют, а в общих трудах об эволюции двусторонних отношений данный сюжет представлен как второстепенный.

После заслуживающей внимания работы М.Ю. Левидова, которая была опубликована в середине 1920-х годов и посвящена всему периоду интервенции³, проблема восприятия октябрьского этапа российской революции 1917 г. в Великобритании оказалась на периферии интересов специалистов, которые использовали ограниченный круг источников. Официальная точка зрения советской историографии свелась к упрощенной констатации: «Правящие круги Англии сразу же заняли безоговорочно враждебную позицию в отношении революционных рабочих, солдат и крестьян России, во главе которых стояли большевики, руководимые Лениным»⁴.

Аналогичную оценку взглядов общественности Туманного Альбиона можно встретить на страницах отечественных исторических трудов вплоть до настоящего времени⁵. Авторы недавно опубликованного вузовского учебного пособия, не

¹ *Фураев В.К.* Октябрьская революция и общественное мнение США (1917–1920 гг.). М., 1967; *Манухин А.А.* Русская революция 1917 года в «прогрессивистской» общественно-политической мысли США. – Новая и новейшая история, 2016, № 5.

² *Page Arnot R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967; *Northedge F., Wells O.* Britain and the Soviet Communism: The Impact of a Revolution. London – Basingstoke, 1982.

³ *Левидов М.Ю.* К истории союзной интервенции в России, т. 1. Л., 1925, с. 10–22.

⁴ *Цибульский С.В.* Англо-советские отношения 1917–1921 гг. в освещении Р.Х. Ульмана. – История СССР, 1974, № 6, с. 210.

⁵ *Виноградов К.Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970; *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980; *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982; *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989; *Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю.* Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века. М., 2012; *Капитонова Н.К., Романова Е.В.* История внешней политики Великобритании. М., 2016.

проводя анализа мотивов и точек зрения, утверждают, что свержение Временного правительства и установление власти большевиков в России «вызвали резко негативную реакцию правящих кругов Соединенного Королевства»⁶. Подробнее освещено восприятие Октября 1917 г. британской властной элитой на страницах другого учебника для студентов. Авторы указывают причины обеспокоенности Уайтхолла сложившейся международной ситуацией и констатируют различия во мнениях английских политиков, что затрудняло разработку Форин оффис согласованного курса в отношении Советской России⁷. Лишь в монографии Н.Е. Быстровой, посвященной попыткам разрешить «русский вопрос» на протяжении 1917–1920 гг., можно найти осмысление интересующей нас проблемы. Однако Н.Е. Быстрова не использовала британские архивные материалы и новейшую зарубежную научную литературу⁸.

В свою очередь европейские и американские историки никогда не оставляли без внимания изучение масштабов и направленности воздействия Октября 1917 г. на политиков и общество за пределами России. Начиная с первых послереволюционных лет в англоязычной научной литературе складывалась концепция восприятия пути, который прошла Россия в течение нескольких месяцев судьбоносного 1917 г. По мере расширения доступа исследователей к ведомственной переписке, включая дипломатическую, а также публикации мемуаров участников и современников революционных событий в России, эта концепция трансформировалась от откровенно негативной в отношении роли большевиков к более взвешенной⁹. К концу XX в. им удалось создать в целом объективную картину взаимоотношений Советской России и Соединенного Королевства в первый период существования большевистского режима. Вместе с тем, слабое знакомство англо-американских авторов с коллекциями российских архивов и, к сожалению, нередко встречающиеся пренебрежительные отношения к трудам историков нашей страны значительно снижают научную значимость реконструкции событий прошлого, которую предлагают зарубежные коллеги¹⁰.

Автор, исследуя тему в хронологических рамках первых недель пребывания большевиков у кормила государственной власти, опирался на сравнительно недавно открытые для исследователей личные фонды британских политических деятелей и материалы контрразведки МИ-5, агенты которой информировали Уайтхолл о тайных замыслах большевистских руководителей и давали их действиям подробную характеристику, выступая с прогнозами дальнейшего развития ситуации в России. Ценным дополнением корпуса источников стали документы из российских архивов, а также публикации воспоминаний, дневников и личной корреспонденции

⁶ Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Указ. соч., с. 86.

⁷ Капитонова Н.К., Романова Е.В. Указ. соч., с. 252–253.

⁸ Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г. – Советская Россия и великие державы. М. – СПб., 2016.

⁹ Antonelli E. *Bolshevik Russia*. New York, 1920; Dennis A. *The Foreign Policies of Soviet Russia*. London, 1924; Fisher L. *The Soviets in World Affairs*, v. 1. Princeton (NJ), 1930; Wheeler-Bennett J. *Brest-Litovsk. The Forgotten Peace*, March 1918. London, 1939.

¹⁰ Ullman R. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*, v. 1. Princeton (NJ), 1961; Debo R. *Revolution and Survival. The Foreign Policy of Soviet Russia, 1917–18*. Toronto – Buffalo, 1979; Gardner L. *Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923*. New York – Oxford, 1987; Mawdsley E. *The Russian Civil War*. London, 1987; Kettle M. *Russia and the Allies, 1917–1920*, v. 2. London – New York, 1988; Keeble C. *Britain and the Soviet Union, 1917–89*. Basingstoke – London, 1990; Figes O. *A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924*. London, 1996; Swain G. *The Origins of the Russian Civil War*. London – New York, 1996; Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to Lenin Mausoleum*. Cambridge (Mass.) – London, 1999; Carley M. *Silent Conflict. A Hidden History of Early Soviet-Western Relations*. Langham (MD), 2014; Сумс Н. *Русская революция и британские левые (1917–1920)*. – Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе. Рязань, 2017.

очевидцев, большинство которых можно найти только в библиотеках английских университетов¹¹.

К середине осени 1917 г. внутривластная ситуация на берегах Туманного Альбиона серьезно осложнилась: беспрецедентные для страны потери на сухопутных фронтах Первой мировой войны и на морях и океанах истощали общество; население все сильнее ощущало нехватку продовольствия в связи с действиями германских субмарин; нарастала усталость подданных Георга V от лишений военного времени. Несмотря на вступление США в войну 6 апреля 1917 г. на стороне Антанты, победа в войне казалась многим британцам проблематичной.

Депрессивное состояние общества на фоне тщетности военных усилий порождали внешнеполитические идеи, которые прежде могли показаться фантастическими. Дневниковая запись близкого к британскому премьеру Д. Ллойд Джорджу издателя либеральной газеты «Манчестер Гардиан» Ч. Скотта, датированная 28 сентября 1917 г.¹², содержит упоминание беседы автора с У. Черчиллем, занимавшим тогда должность министра военного снабжения. Речь шла о поиске компромисса с Германией за счет предложения ей территорий бывшей Российской империи, а именно Польши и Литвы. Хотя Черчилль, как свидетельствует источник, отверг этот план, его осуществление не исключалось Ллойд Джорджем и даже президентом США В. Вильсоном¹³.

18 октября 1917 г. премьер-министр в письме к королю Георгу V указал на основные проблемы, с которыми столкнулся Кабинет в этот период: вероятный выход России, Румынии и Италии – трех слабейших «звеньев» Антанты – из войны; недостаточность усилий французов для достижения победы, а также появление американских войск на Западном фронте не ранее середины 1918 г. Все это заставляло британцев продолжать боевые действия фактически в одиночку, принося на алтарь победы «цвет нации». Поэтому, делал вывод Ллойд Джордж, в ближайшее время англичанам следует придерживаться оборонительной тактики, осуществляя морскую блокаду Центральных держав в войне на истощение¹⁴.

Даже некоторые видные консерваторы (точнее – юнионисты, как тогда именовали британских тори) все громче требовали компромисса с Германией и ее союзниками. Примером может служить инициатива бывшего министра иностранных дел, лидера юнионистов в верхней палате парламента лорда Лэнсдауна, сначала предложившего 16 ноября 1917 г. главе Форин оффис А. Бальфуру обсудить программу мира из пяти пунктов, а затем опубликовавшего 29 ноября 1917 г. открытое письмо по этому вопросу в газете «Дейли Телеграф»¹⁵.

Внешнеполитический курс третьего по счету, коалиционного Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским осенью 1917 г. трудно было назвать последовательным. Керенский и министр иностранных дел М.И. Терещенко колебались между заверениями лидеров Антанты в безусловном продолжении Россией войны до победы и приветствиями делегатам конференции Шин Фейн – партии ирландских националистов, или обвинениями британцев в бездействии на Балтике

¹¹ *Buchanan M.* Petrograd: The City of Trouble 1914–1918. London, 1918; *Price M.* My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921; *Майский И.* Внешняя политика РСФСР 1917–1922. М., 1923; *Набоков К.Д.* Испытание дипломата. Стокгольм, 1923; *Lennox A.* The Diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918. London, 1924; *Brun A.* Troublous Times. Experience in Bolshevik Russia and Turkestan. London, 1931; *Korostovetz V.* Seed and Harvest. London, 1931; *Snowden P.* An Autobiography. London, 1934; *Oudendyk W.* Ways and By-Ways in Diplomacy. London, 1939; *Middlemas K.* Whitehall Diary, v. 1. London, 1969; *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. М., 2006.

¹² Здесь и далее даты указаны по новому стилю.

¹³ *The Political Diaries of C.P. Scott.* 1911–1928. Ed. by T. Wilson. Ithaca – New York, 1970, p. 304–305.

¹⁴ *Ibid.*, p. 447.

¹⁵ *Owen F.* Tempestuous Journey. Lloyd George, His Life and Times. London, 1954, p. 439–441; *Виноградов К.Б.* Указ. соч., с. 256.

в период Моонзундской операции германского флота. Эти обвинения сопровождались демонстрациями протеста у здания английского посольства 22–23 октября¹⁶. Как отмечал современный британский биограф Керенского, последнему главе Временного правительства России было присуще амбивалентное отношение к Антанте: по причинам внутривластных характера отстаивая необходимость сражаться бок о бок с союзниками, Керенский пребывал в уверенности, что Англия, Франция и США морально обязаны предоставить неограниченную поддержку российской демократии¹⁷.

Последним отчаянным дипломатическим ходом российского премьера стало его послание Ллойд Джорджу. Доставить письмо на Даунинг-стрит, 10, должен был известный впоследствии английский писатель У. Сомерсет Моэм, выполнявший с августа по октябрь 1917 г. конфиденциальную миссию на берегах Невы¹⁸. Предложение главы Временного правительства предварительно обсуждалось на совещании в русской Ставке 10 октября с участием военных представителей союзников¹⁹. Оно состояло в том, чтобы убедить главу британского Кабинета по секретным каналам запросить Берлин о начале мирных переговоров, но на условиях, которые Германия вряд ли бы приняла. Соответственно, отказ правящей верхушки рейха от этой инициативы позволил бы российскому правительству оправдать нежеланием Центральных держав идти на перемирие продолжение войны до победного конца. Однако время работало против Керенского: его хитроумный план поступил на рассмотрение Ллойд Джорджа лишь 18 ноября 1917 г. К этому времени в Петрограде уже хозяйничали большевики, выступавшие против «революционного оборончества» и принявшие «Декрет о мире»²⁰.

Информация о готовящемся захвате власти в северной столице России «максималистами» (так британская пресса тогда называла большевиков) не смутила многолетнего посла в России сэра Д. Бьюкенена, который еще в начале ноября 1917 г. собирался отправиться вместе с Терещенко на очередную конференцию Антанты в Париж²¹. Накануне решающих революционных событий в Петрограде три министра, включая главу российского МИД, были приглашены британским послом на завтрак, во время которого, по сведениям русского представителя в Лондоне К.Д. Набокова, вели себя довольно беззаботно (либо делали беззаботный вид, как мы можем сегодня предположить)²².

В день большевистского переворота члены британского Кабинета обсуждали вопрос о праве бывшего министра труда меньшевика М.И. Скобелева представлять Россию на межсоюзнической конференции в Париже. На этом же

¹⁶ *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль – октябрь 1917 г.). М., 1966, с. 331–337; *его же.* От Февраля к Октябрю. – История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1997, с. 597–598; *его же.* 1917 год – политика Временного правительства. – Очерки истории МИД России, т. 2. М., 2002, с. 30–32; *Колоницкий Б.И.* Британские миссии и А.Ф. Керенский (март–октябрь 1917 года). – Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998, с. 71–72.

¹⁷ *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987, p. 241.

¹⁸ Официальная цель командировки Моэма состояла в организации Славянского пресс-бюро как прикрытия тайной антигерманской организации под руководством капитана Э. Воска. – *Smith M.* Six: The Real James Bond 1909–1939. London, 2011, p. 210.

¹⁹ *Knox A.* With the Russian Army 1914–1917: Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attaché, v. II. London, 1921, p. 695–696.

²⁰ *Maugham W.S.* The Summing Up. London, 1938, p. 202–205; *Васюков В.С.* Предыстория интервенции: февраль 1917 – март 1918. М., 1968, с. 181–192; *West N.* MI-6: British Intelligence Service Operations. London, 1983, p. 13–14; *Сахновский Е.В.* Миссия Сомерсета Моэма в Россию в 1917 г. – Новая и новейшая история, 1987, № 5, с. 173–186; *Swain G.* Op. cit., p. 10–11, 103–116; *Milton G.* Russian Roulette. How British Spies Defeated Lenin. London, 2014, p. 62–63.

²¹ *Бьюкенен Д.* Указ. соч., с. 349.

²² *Набоков К.Д.* Указ. соч., с. 167.

заседании главную озабоченность Уайтхолла вызвала не ситуация в Петрограде, а прогноз катастрофического положения итальянской армии, в котором она могла оказаться в результате прорыва фронта австро-германскими войсками под Капоретто²³.

На этом противоречивом международном фоне известия о вооруженных столкновениях 6–7 ноября 1917 г. на берегах Невы, первоначально не вызвали определенного отклика в истеблишменте Соединенного Королевства²⁴. Мемуары К.Д. Набокова содержат свидетельство о том, что большая часть английских правящих кругов была убеждена, что «переворот есть явление кратковременное и что удержаться у власти Ленин... не сможет»²⁵. Хотя уже 8 ноября газета «Морнинг Пост» одной из первых опубликовала статью с примечательным заголовком: «Революция, сделанная Германией». Ее авторы утверждали, что последователи Ленина вне зависимости от того, будет или нет их существование долгим, являясь врагами Англии и открытыми друзьями Германии²⁶. Несмотря на комментарии прессы, Форин оффис, следуя традициям дипломатии, прекратил аккредитацию Набокова как представителя уже несуществующего режима, пообещав сохранить с ним неофициальные контакты²⁷.

Вечером 8 ноября 1917 г. по инициативе французского посла Ж. Нуланса состоялась встреча представителей дипломатического корпуса в Петрограде²⁸. Участникам совещания, которое проходило в здании британской миссии, не удалось выработать конкретный план действий. Поэтому на следующий день Бьюкенен вновь обсудил с Нулансом сложившуюся ситуацию, допустив возможность размещения в северной столице России союзных войск, если Керенскому при поддержке созданного в ночь на 8 ноября антибольшевистского Комитета спасения Родины и революции удастся вернуть Временному правительству ускользнувшую власть²⁹.

После фиаско похода на Петроград войск генерала П.Н. Краснова 9–11 ноября 1917 г. и неудачи контрпереворота, предпринятого Комитетом 11–12 ноября, Бьюкенен пришел к выводу о временной стабилизации власти большевиков³⁰. Его телеграмма с инициативой сохранения рабочих отношений между дипмиссиями Антанты и новым всероссийским правительством – Советом народных комиссаров (СНК), исходя из тактических соображений, была направлена в Форин оффис 20 ноября³¹. По мнению британского посла, ради удержания России в войне и предотвращения доступа немцев к ее ресурсам союзникам стоило хотя бы сделать вид, что они согласны рассмотреть условия мира «без аннексий и контрибуций», провозглашенные Лениным

²³ Minutes of the War Cabinet's Meeting, 7.11.1917. – The National Archives of the United Kingdom (далее – TNA), Cabinet Papers (далее – САВ) 23/4/41.

²⁴ Современную оценку событий Октября 1917 г. можно найти: *Шубин А.В.* Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 г. М., 2014.

²⁵ *Набоков К.Д.* Указ. соч., с. 168; *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции, с. 381.

²⁶ Morning Post, 8.XI.1917. Уже через два дня газета призвала союзников к прямой интервенции в Россию. О реакции европейской прессы на события в Петрограде см.: *Левидов М.Ю.* Указ. соч., с. 10–11; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. London, 1968, p. 9.

²⁷ *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Указ. соч., с. 36; *Миронова Е.М.* «Мы, признанные союзниками представителями России...». Деятельность русской небольшевистской дипломатии в период Гражданской войны (1917 – конец 1920 г.). – Россия XXI, 2015, № 1.

²⁸ *Быстрова Н.Е.* Указ. соч., с. 22.

²⁹ *Abraham R.* Op. cit., p. 321–322.

³⁰ *Kerenskaya O.* Scraps of Memory. Typescript, 1935, p. 26–28. – TNA, Parliamentary Archives, Lord Stow Hill Papers, STN/DS/2/2; *Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет Гражданской войны (1917–1921). – Белый Север. 1918–1920: документы и мемуары, вып. 1. Архангельск, 1993, с. 101–102.

³¹ Buchanan to the Foreign Office, 20.11.1918. – TNA, Foreign Office, Political Departments: General Correspondence, FO/371/2999/398.

на II Всероссийском съезде Советов³². Иными словами, Бьюкенен фактически призвал Уайтхолл реанимировать план Керенского об имитации переговорного процесса с немцами. Однако на этот раз цель дипломатической комбинации Форин оффис помимо выигрыша времени могла состоять еще и в том, чтобы перехватить инициативу у большевиков. Поэтому кажется логичным вывод, к которому пришел многоопытный сэр Джордж: «Лично я считаю, что нам нужно установить с ним (Советским правительством. — *Е.С.*) хоть какой-то контакт для ведения текущих дел»³³.

Существуют веские основания утверждать, что на изменение позиции Бьюкенена могли повлиять слухи о возможной продаже большевиками кораблей Балтийского флота германскому командованию. Они показались Лондону настолько достоверными, что офицеры британской разведки приступили к разработке операции по торпедной атаке русских дредноутов силами британских субмарин, семь из которых дислоцировались в Гельсингфорсе. Исполнявший обязанности британского военно-морского атташе в Петрограде командор Ф. Кроми получил указание обратиться к балтийцам с призывом бойкотировать передачу немцам русских линкоров, крейсеров и эсминцев либо самим подготовить их к подрыву³⁴. Планировалось также затопление британских подводных лодок и последующая отправка их экипажей на родину (приказ Адмиралтейства от 29 ноября 1917 г.)³⁵.

Дифференциация восприятия британскими представителями революционных событий в Петрограде, свидетелями которых они невольно стали, проявилась во время забастовки чиновников центрального аппарата русского МИД, которые отказались сотрудничать с новым режимом³⁶. Если Бьюкенен официально не поддержал это выступление, то советник посольства Ф. Линдли, ставший после отъезда посла на родину 6 января 1918 г. временным поверенным, оказывал помощь министерским служащим по установлению контактов с главами российских миссий за рубежом, почти единодушно заявивших о бойкоте Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) во главе с Л.Д. Троцким³⁷. Заслуживающим внимание штрихом в общем восприятии британцами драматических событий 7–8 ноября 1917 г. стало ходатайство военного атташе генерал-майора сэра А. Нокса перед Военно-революционным комитетом Петрограда об освобождении из-под ареста 170 военнослужащих-добровольцев

³² В этом вопросе точка зрения британского посла совпадала с мнением членов миссии американского сенатора Э. Рута, посетивших Россию летом 1917 г. С. Бертрон в послании к президенту США 12 декабря 1917 г. подчеркнул, что если Германии удастся подчинить Россию с ее громадными ресурсами, то немцы смогут оказывать сопротивление «неопределенно долго». — *Листиков С.В.* «14 пунктов» и формирование «русской политики» Вудро Вильсона. — *Российская история*, 2015, № 6, с. 122.

³³ *Бьюкенен Д.* Указ соч., с. 362.

³⁴ Page to the Foreign Office, 8.11.1917. — TNA, Admiralty, Political Correspondence, ADM/116/1805; Memorandum by the Admiralty “Naval Situation in the Baltic”, 22.11.1917. — *Ibid.*, CAB/24/33, GT 2715. Об угрозе сдачи немцам кораблей Балтийского и Черноморского флотов см.: Documents on British Relations with Russia 1917–1918. F.N.A. Cromie’s Letters. — *Canadian-American Slavic Studies*, 1973, v. VII, p. 350–375, 498–510.

³⁵ О подготовке операции по уничтожению английских субмарин см.: *Bainton R.* Honoured by Strangers. The Life of Captain Cromie CD DSO RN1882–1918. Shrewsbury, 2002, p. 190. Если личному составу подводных лодок удалось вернуться в Британию в декабре 1917 г., операция затопления субмарин была осуществлена Кроми в акватории Гельсингфорса в начале апреля 1918 г. — *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. The Lives, Loves and Lies of Russia’s Most Seductive Spy. London, 2016, p. 70–71.

³⁶ Для сравнения см. два противоположных взгляда на забастовку чиновников МИД в мемуарах советских и российских дипломатов: *Майский И.* Указ. соч., с. 19–26; *Korostovetz V.* *Op. cit.*, p. 293–313.

³⁷ *Михайловский Г.Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920, кн. 2. М., 1993, с. 16; *Кононова М.М.* Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических учреждений в эмиграции (1917–1925 гг.). — *Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг.*, вып. 2. М. — СПб., 2005, с. 18.

из ударного женского батальона, который участвовал в охране Зимнего дворца вплоть до занятия его красногвардейцами и революционными матросами. По воспоминаниям дочери английского посла М. Бьюкенен, это заступничество генерала позволило сохранить жизнь большинству ударниц³⁸.

Для корректного анализа формирования представлений британцев об изменении политического ландшафта России важно реконструировать ход мыслей правящих кругов островного королевства. Попытку сделать это предпринял Набоков, который вспоминал позднее, что к концу осени 1917 г. среди виднейших английских политиков утвердилось мнение, что Россия воевать больше не способна, а значит, она больше не является союзником. В то же время на ее территории оставались более 1,5 млн германо-австрийских военнопленных и внушительные запасы военных материалов, сырья и продовольствия, которые при попадании к противнику позволили бы ему прорвать кольцо блокады и еще долго продолжать войну. Главная цель политики Лондона в отношении России, как отмечал Набоков, а позднее подтвердил в мемуарах Бьюкенен, состояла в предотвращении такого развития событий³⁹.

Объективности ради стоит указать на факторы, которые затрудняли формирование ясного представления англичан о положении дел в России. Одним из них являлось поступление недостаточно репрезентативной, а главное – противоречивой информации от различных источников. По верному наблюдению британского историка, «центральное российское правительство составили неизвестные лица, способные на непредсказуемые действия и выступавшие с угрозами, реальность которых не поддавалась оценке»⁴⁰. Кроме того, необходимо принять во внимание специфику обмена информацией между Россией и европейскими столицами: стремительное, даже калейдоскопическое изменение политической ситуации в Петрограде и Москве осенью 1917 г. зачастую приводило к тому, что сообщения, отправляемые дипломатами и военными на родину, устаревали еще до их получения в Лондоне. Британские эмиссары, к примеру, чиновники консульской службы, продолжавшие выполнять служебные обязанности в населенных пунктах, разбросанных на российской территории, нередко вынуждены были принимать решения в экстренном порядке без санкции центральных ведомств, подчас вступая в противоречие с официальной линией правительства. В 1917–1918 гг. такие случаи были нередки в практике работы британских миссий и представительств, особенно в Закавказье, Центральной Азии, Сибири и на Дальнем Востоке⁴¹.

Занятие Кабинетом Ллойд Джорджа выжидательной позиции по отношению к советскому режиму в ноябре 1917 г. объяснялось и другими причинами: авторитет Временного правительства внутри России и за ее пределами к концу октября 1917 г. упал настолько, что, по образному выражению последнего российского премьера, перспектива прихода к власти большевиков не сильно тревожила иностранные посольства: «Ленин сбросит Керенского – так они рассуждали – и тем самым невольно вымостит путь для “здорового правительства”, которое неизбежно придет к власти три–четыре недели спустя»⁴². Определенную роль играла надежда британского истеблишмента на проведение выборов и открытие Всероссийского Учредительного собрания. Согласно господствовавшему мнению, основная его функция состояла в легитимизации демократической республики, правительство которой, как в глубине души надеялась часть политической элиты Соединенного Королевства, сумело бы мобилизовать силы для победы над армиями Четверного союза⁴³.

³⁸ *Buchanan M.* Op. cit., p. 197.

³⁹ *Бьюкенен Д.* Указ. соч., с. 389–391; *Набоков К.Д.* Указ. соч., с. 169.

⁴⁰ *Reynolds P.* *British Foreign Police in the Inter-Wars Years.* London, 1954, p. 60.

⁴¹ *Marks S.* *The Ebbing of European Ascendancy. An International History of the World 1914–1945.* London, 2002, p. 70.

⁴² *Керенский А.Ф.* *Россия на историческом повороте.* Мемуары. М., 1993, с. 412.

⁴³ О настроениях членов иностранных дипломатических миссий в России см.: *Buchanan M.* Op. cit., p. 197–198; *Price M.* *My Reminiscences of the Russian Revolution,* p. 153–158; *Robien L. de.* *Journal d'un diplomate en Russie (1914–1918).* Paris, 1967, p. 143–147.

Что касается средств массовой информации, то 9 ноября 1917 г. утренние британские газеты, наконец, сообщили своим читателям о драматических событиях в Петрограде. Передовая статья «Таймс» вышла под красноречивым заголовком: «Критический час России»⁴⁴. В последующие дни пресса Туманного Альбиона публиковала сведения о лидерах большевистского правительства, их целях и планах, а также перспективах продолжения вооруженной борьбы на Восточном фронте. Обозреватели консервативных и либеральных газет почти единогласно противопоставляли Февральскую народную революцию узурпации государственной власти кучкой «максималистов» в ноябре, подчеркивая зловещую роль германской агентуры в этом деле. Именно агенты Берлина, по мнению британских журналистов, финансировали большевиков для осуществления Октябрьского переворота. Но, делала прогноз английская пресса, германofilы не смогут остановить распад Российской республики, если мировая война будет продолжена. Отличительной чертой публикаций лейбористских и близких к ним изданий левой ориентации в первые дни существования Советской власти стало выражение надежды на переход к мирным переговорам воюющих держав под воздействием революционных событий в России⁴⁵.

По воспоминаниям совмещавшего осенью 1917 г. должности министра блокады и заместителя главы Форин оффиса лорда Р. Сесила, вскоре после прихода к власти большевиков он задал вопрос рабочим в своем поместье, испытывают ли они симпатии к российским социалистам. Лорд получил характерный ответ: «Пока не будут предприняты меры к тому, чтобы сделать войны, подобно Первой мировой, невозможными, большевистская система продолжит распространяться». Это суждение, отметил Сесил, который был сторонником установления военной диктатуры в России, сделало его горячим поборником создания Лиги Наций⁴⁶.

Интерес представляют оценки программы большевиков и характеристики их лидеров британскими спецслужбами. Материалы контрразведки МИ-5, касающиеся деятельности В.И. Ленина, проливают свет на причины восприятия его британским истеблишментом как германского агента, получившего, согласно разведанным, 4 млн руб. из секретных германских фондов для дезорганизации власти Временного правительства и развала русской армии⁴⁷. По мнению аналитиков МИ-5, взгляды Ленина на международное положение в завершающие месяцы Первой мировой войны сводились к следующим основным моментам: Советская Россия и Германия – естественные союзники, поскольку обе не заинтересованы в создании миропорядка по проектам западных демократий; однако их внешнеполитические цели совпадают лишь тактически, так как большевики стремятся к мировой коммунистической революции, а правящие круги Второго рейха – к установлению своей гегемонии на руинах старой Европы. И все же русским, как, по мнению МИ-5, считал Ленин, следует учиться у немцев государственному регулированию экономики в условиях боевых действий и блокады, особенно организации банковского и коммерческого дел⁴⁸.

Изучение архивных материалов показывает, что секретные службы Соединенного Королевства приступили к сбору информации о Ленине и других большевистских лидерах (Л.Д. Троцком, Г.Е. Зиновьеве, Л.Б. Красине и т.д.) еще в 1914–1915 гг.⁴⁹ В одном из обзоров сведений, собранных агентами МИ-5, находим оценку програм-

⁴⁴ Times, 9.XI.1917.

⁴⁵ Page Arnot R. Op. cit., p. 97–100.

⁴⁶ Cecil R. All the Way. London, 1949, p. 159; Cecil to Balfour, 28.11.1917. – British Library, Manuscript Collections, Balfour Papers, Add Mss 49738.

⁴⁷ Nicola Lenin, alias Vladimir Ilich Ulyanov, 23.8.1915–15.12.1917. – TNA, Security Service, Personal Files Series, KV/2/585.

⁴⁸ Nicola Lenin, alias Vladimir Ilich Ulyanov, 27.5.1920–3.1.1921. – Ibid., KV/2/587.

⁴⁹ Zinoviev Life, 16.11.1917–6.6.1959. – Ibid., KV/2/501; Lev Davidovich Bronstein (alias Leon Trotsky), 13.2.1915–16.2.1918. – Ibid., KV/2/502; Leonid Krassine, 21.5.1918–13.12.1920. – Ibid., KV2/571.

мы большевиков как противоречащую целям внешней политики Лондона. Досье содержит рекомендации чиновникам Уайтхолла в отношении «экстремистского крыла» российских социалистов: «Помните, что большевики ненавидят Англию и ее хорошо организованный демократический режим более всех других стран»⁵⁰.

Любопытные нюансы оценки ситуации в Республике Советов содержал еженедельный обзор, представленный экспертами политического и разведывательного департамента Форин оффис 12 ноября 1917 г. «Большевизм, — подчеркивали его авторы, — представляет собой толстовство, искаженное и доведенное до крайних пределов. Но в данном случае на него рассчитывают немцы, которые видоизменили его в своих целях. Пока невозможно сказать, кто именно из большевистских лидеров получил германские деньги: некоторые, без сомнения, это сделали, другие же являются “честными фанатиками”»⁵¹.

Приведем мнение капитана Д. Хилла, одного из наиболее информированных агентов МИ-1(с) — отделения британской военной разведки, которое после окончания Второй мировой войны стало именоваться МИ-6. Хилл был направлен в Россию как пилот-инструктор в помощь русским летчикам летом 1917 г.⁵² Посетив штаб революции Смольный в первые дни после свержения Временного правительства, Хилл сделал вывод о намерении народных комиссаров прервать все связи с Антантой. Большевики представляли в его видении как люди «безжалостные, ограниченные и приверженные нескольким затасканным демагогическим лозунгам»⁵³.

По мнению английских исследователей, декларация А. Бальфура от 2 ноября 1917 г. о возможности воссоздания иудеями очага государственности в Палестине имела скрытой целью привлечь симпатии большевистских лидеров-евреев, которых в Лондоне ошибочно считали сторонниками всемирного сионистского движения⁵⁴. Выскажем предположение, что позиция Бальфура, который поддерживал тесные связи с еврейскими финансовыми кругами в США и Европе, объяснялась, по крайней мере частично, энергичными шагами нью-йоркского банкира Я. Шиффа накануне и особенно после прихода к власти большевиков: Шифф добивался их дипломатического признания Западом⁵⁵.

10 ноября 1917 г., когда на улицах Петрограда еще продолжались вооруженные столкновения между сторонниками и противниками нового режима, Л.Д. Троцкий официально уведомил зарубежных дипломатов о создании НКВД — новой структуры в системе государственных органов Советской власти⁵⁶. В ответ 17 ноября последовало обращение ЦК партии кадетов в Петрограде к странам Антанты: «Никакие предложения и обращения к союзным и враждебным державам, исходящие от незаконной власти большевиков, совершенно не выражают воли русского народа и ни в каком отношении не могут считаться связывающими Государство Российское»⁵⁷. 21 ноября Троцкий в качестве наркома иностранных дел направил дипломатам Антанты ноту, которая предлагала их правительствам без промедления вступить в переговоры с Четверным союзом⁵⁸.

Сомнения политической элиты Соединенного Королевства относительно способов удержания России в мировой войне нашли отражение на страницах британской

⁵⁰ The Bolshevik Party, 22.7.1917–18.4.1918. — Ibid., KV/2/498.

⁵¹ Ullman R. Op. cit., v. 1, p. 3.

⁵² Hill G. Go Spy the Land. London, 2014, p. 179.

⁵³ Milton G. Op. cit., p. 69.

⁵⁴ Mackay R. Balfour: Intellectual Statesman. Oxford — New York, 1985, p. 315, 318.

⁵⁵ Steed H. Through Thirty Years, 1892–1922. A Personal Narrative, v. II. London — New York, 1924, p. 301; Dugdale B. Arthur James Balfour, v. II. London, 1939, p. 157–173.

⁵⁶ Oudendyk W. Op. cit., p. 244.

⁵⁷ Наша Речь, 17.XI.1917.

⁵⁸ Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II. М., 1926, с. 91–92; Нота Троцкого послан Антанты, 21.XI.1917 г. — Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР), т. I. М., 1957, с. 16–17.

печати. 23 ноября 1917 г. газета «Дейли Мейл» опубликовала заметку о возможности направить в Петроград британскую правительственную миссию во главе с У. Черчиллем — горячим поборником сохранения России в составе Антанты⁵⁹. Однако этому плану не суждено было осуществиться: 21 ноября ряд влиятельных членов Кабинета — лорд-председатель Тайного совета Дж. Кёрзон, министры без портфелей А. Милнер и Э. Карсон выдвинули идею объединения всех антибольшевистских сил юга России под предводительством донского атамана генерала от кавалерии А.М. Каледина в так называемый Юго-Восточный союз⁶⁰. Основанием этой идеи служила резолюция конференции представителей казачьих войск, состоявшаяся 11–13 ноября 1917 г. во Владикавказе⁶¹.

Источники свидетельствуют, что переход упомянутых британских политиков на позиции противников Советской России произошел в том числе под влиянием информации, полученной от У. С. Моэма, вернувшегося в Лондон в середине ноября 1917 г.⁶² По предложению бывшего министра государственного призрения во втором составе Временного правительства князя Д.И. Шаховского, высказанному им в беседе с Бьюкененом, финансовое обеспечение борьбы против большевистского режима могла бы предоставить под контролем Великобритании и Франции сеть русских банков на Украине, в казачьих областях и в Польше⁶³.

22 ноября 1917 г. главы дипломатических миссий союзников в Петрограде на совещании у посла США Д. Фрэнсиса согласовали тактику бойкота правительства Ленина⁶⁴. 23 ноября последовала нота начальников союзных военных миссий, резко осудивших директиву Совнаркома о выборах в воинских частях делегатов для начала переговоров о перемирии с противником⁶⁵. В этот же день лорд Сесил дал развернутое интервью британской прессе. Как заявил высокопоставленный дипломат, позицию Кабинета определяли, во-первых, громогласные внешнеполитические заявления большевиков о немедленном заключении мира; во-вторых, неудача А.Ф. Керенского и сторонников «революционной демократии» вернуться к власти с помощью вооруженной силы, символом чего стало отстранение от временного исполнения должности Верховного главнокомандующего, а затем и жестокое убийство генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина⁶⁶; в-третьих, пессимизм в отношении конституирования Всероссийского Учредительного собрания как высшего законодательного органа, который можно было бы противопоставить большевистской диктатуре; наконец, ухудшение положения Антанты почти на всех фронтах, кроме Палестинского и Месопотамского.

Невзирая на различия в подходах членов правительства, высших чиновников силовых ведомств и ведущих дипломатов к политике на российском направлении, Сесил пытался высказать обобщенное мнение властной элиты Британии о происходивших в России событиях. По его словам, действия большевистских вождей носили непродуманный, провокационный и предательский характер, а их призывы к союзникам вступить в мирные переговоры с Четверным союзом отвечали целям Германии по расколу Антанты. К тому же, подчеркнул Сесил, правительство большевиков, захвативших власть в столице и нескольких крупных городах России, не контролировало

⁵⁹ *Левидов М.Ю.* Указ. соч., т. 1, с. 12–13; *Быстрова Н.Е.* Указ. соч., с. 24.

⁶⁰ *Йоффе Я.* Организация интервенции и блокады Советской республики, 1918–1920. Очерк. М. — Л., 1930, с. 103; *Kettle M.* Op. cit., v. 1, p. 128–147; *Swain G.* Op. cit., p. 111.

⁶¹ *Goekay B.* A Clash of Empires. Turkey between Russian Bolshevism and British Imperialism, 1918–1923. London — New York, 1997, p. 11.

⁶² *Smith M.* Op. cit., p. 210.

⁶³ Buchanan to the Foreign Office, 23.11.1917. — TNA, FO/371/3018; *Occleshaw M.* Dances in Deep Shadows. The Clandestine War in Russia, 1917–20. New York, 2006, p. 308.

⁶⁴ *Кононова М.М.* Указ. соч., с. 21.

⁶⁵ Нота начальников союзных военных миссий в России, 23.11.1917 г. — *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Указ. соч., ч. II, с. 92.

⁶⁶ *Antonelli E.* Op. cit., p. 194–195.

положение дел на остальной ее территории, к примеру, в области Войска Донского, где атаман Каледин 7 ноября 1917 г. объявил народных комиссаров вне закона. В сложившихся условиях, заключил британский политик, ожидать дипломатического признания Советского правительства со стороны Лондона было бы опрометчиво⁶⁷.

Первым практическим следствием такой позиции явилось решение союзников на конференции в Париже 28–30 ноября 1917 г. не признавать большевистский режим. 29 ноября последовало распоряжение Уайтхолла о прекращении приема, публикации и передачи телеграмм и радиосообщений из России. По инструкции из Лондона Бьюкенен отверг предложение Троцкого вступить в переговоры с противником о перемирии. Столкнувшись с жесткой позицией советского наркома, который потребовал от британского правительства в обмен на оформление выездных виз подданным Георгом V освободить Г.В. Чичерина, интернированного с конца августа 1917 г. полицейскими властями в Брикстонской тюрьме Лондона за пацифистскую деятельность⁶⁸, Бьюкенен пришел к окончательному выводу о реальной перспективе образования российско-германского союза в ближайшее время⁶⁹. К началу декабря 1917 г. отношения Троцкого и посла Соединенного Королевства обострились настолько, что нарком выступил с угрозой арестовать его за контакты с Комитетом общественного спасения и эмиссарами Каледина⁷⁰.

На заседании 3 декабря 1917 г. в отсутствие Бальфура, не успевшего вернуться на берега Темзы из Парижа, члены Кабинета приняли решение «поддержать любую разумную организацию в России, которая бы активно противостояла максималистскому движению»⁷¹. Очевидно, что масла в огонь усиливавшегося неприятия Лондоном политики большевиков подлили два обстоятельство: начало публикации Наркоминделом секретных международных договоров царского и Временного правительства, а также обращение СНК к трудящимся Востока, в частности, народам Индостана, с призывом развернуть борьбу за освобождение от английского владычества. По мнению наблюдателей, в первом случае обнародование дипломатических документов «позволило германской военной машине продлить войну еще на год»⁷²; во втором – подстрекательский характер декларации заставил даже привыкшего к большевистским внешнеполитическим высказываниям Бьюкенена назвать этот документ «неслыханным»⁷³.

6 декабря 1917 г. британские министры попытались внести окончательную ясность в отношении к новому режиму России. «Русский вопрос» занял на заседании главное место, получив обсуждение в следующих пунктах: относительно угрозы захвата германскими войсками северных портов (Мурманск и Архангельск) вместе с находившимися там колоссальными запасами вооружения, боевой техники и обмундирования, отправленной Антантой союзнику; касательно проекта установления контроля ведущих держав Соглашения над Владивостоком и Транссибирской магистралью; о вероятности захвата, приобретения немцами или добровольной передачи им большевиками кораблей Балтийского

⁶⁷ Times, Manchester Guardian, 24.XI.1917; *Левидов М.Ю.* Указ. соч., т. 1, с. 14; *Page Arnot R.* Op. cit., p. 109.

⁶⁸ *Майский И.М.* Путешествие в прошлое. М., 1960, с. 90; *Debo R.* Op. cit., p. 34–36.

⁶⁹ *Бьюкенен Д.* Указ. соч., с. 366–367; ДВП СССР, т. 1, с. 31. Нота Бьюкенена, 29 ноября 1917 г. об интернировании британскими властями в соответствии с «Актом о защите Королевства» Г.В. Чичерина. – Переписка, поручительства и опросный лист Чичерина, 7.8–14.9.1917 г. – Государственный архив Российской Федерации, ф. 4117, оп. 1, д.39, л. 1–41. О политической деятельности Чичерина на Британских островах см.: *Debo R.* The Making of a Bolshevik: Georgii Chicherin in England 1914–1918. – American Slavic and East European Review, 1966, v. XXV, № 4, p. 651–662.

⁷⁰ *Бьюкенен Д.* Указ. соч., с. 367–368.

⁷¹ *Gardner L.* Op. cit., p. 153.

⁷² *Price M.* The Truth about the Allied Intervention in Russia, p. 11.

⁷³ *Ullman R.* Op. cit., v. 1, p. 28–29; *Чубарьян А.О.* В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972, с. 73–82; *Воронина И.А.* Первые публикации НКВД (1917–1918 гг.). – Международная жизнь, 2002, № 3; *Нежинский Л.Н., Рудая Е.Н.* НКВД в первые годы Советской власти. – Очерки истории МИД России, т. 2. М., 2002, с. 39.

и Черноморского флотов, включая британские подводные лодки, находившиеся в оперативном подчинении русского командования; а также о прекращении военно-технической помощи российской армии впредь до прояснения положения дел в России⁷⁴.

Получив соответствующее распоряжение Форин оффис, Бьюкенен изложил позицию Уайтхолла на пресс-конференции 8 декабря 1917 г. в помещении британской дипломатической миссии в Петрограде. Подводя итог своей деятельности, британский посол, который уже направил в Лондон прошение о своей отставке, сосредоточил внимание на ключевых проблемах двусторонних отношений. Прежде всего он сказал несколько дежурных фраз о сохранявшейся огромной симпатии британцев к русскому народу. Затем прозвучали упреки в нарушении советским правительством союзнических обязательств и заверения в том, что остальные члены Антанты признают только стабильное правительство России, пользующееся доверием всего населения страны. В заключение дипломат осудил призывы большевистских лидеров к народам Азии и Африки поднять восстание против «британских колонизаторов», а также случаи притеснения местными органами власти англичан, еще остававшихся на подконтрольной Советам территории⁷⁵.

В этот же день британский посол в Париже виконт Ф. Берти сделал дневниковую запись: «Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, которые православной верой связывали разные нации. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т.д., сколько бы их ни удалось создать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку»⁷⁶.

К концу 1917 г. мрачные настроения царили не только среди политиков, но и доминировали в общественном мнении Соединенного Королевства. Представление о них может дать дневник Б. Вебб — видной участницы социалистического движения на Британских островах. «Новый год открывается во тьме, — записала она 10 января 1918 г. — Германия сильнее и удачливее союзников, чем когда-либо раньше с момента первого наступления на Париж. Правящие классы Великобритании более не уверены в конечной победе — все предсказания истощения живой силы или финансовой неспособности Германии оказались ошибочными. Угроза подводной войны не уменьшается, а уверенность в возможностях США облегчить ситуацию, по меньшей мере, не возрастает»⁷⁷.

Пессимизм британцев относительно достижения победы в войне усугублялся еще и тем обстоятельством, что среди политиков и общественных деятелей Туманного Альбиона отсутствовало единое понимание как стратегических целей, так и тактических шагов, которые следовало осуществить в отношении России. Часть политической элиты — Дж. Кёрзон, А. Милнер, У. Черчилль и Р. Сесил, а также представитель при русской Ставке генерал-майор Ч. Бартер и военный атташе А. Нокс — выступали против любых контактов с большевиками, которые рассматривались ими в качестве узурпаторов государственной власти и германских агентов, «продавших Россию кайзеру»⁷⁸. 18 ноября 1917 г. Бартер сообщал в Лондон о необходимости «активного сотрудничества с казаками Каледина», а 27 ноября он же телеграфировал в Военное министерство, что только высадка иностранных войск в российских портах «могла бы привести к полному краху большевизма»⁷⁹.

Значительную роль в формировании таких взглядов сыграли официальные сообщения и личные впечатления зарубежных представителей в России. 22 ноября

⁷⁴ Minutes of a Meeting of the War Cabinet, 6 December 1917. — TNA, CAB/23/4/67. Minutes of a Meeting of the War Cabinet, 6.12.1917.

⁷⁵ Бьюкенен Д. Указ. соч., с. 372–376; Левидов М.Ю. Указ. соч., т. 1, с. 22.

⁷⁶ Lennox A. Op. cit., p. 189.

⁷⁷ The Diary of Beatrice Webb. Ed by N. Mackenzie, J. Mackenzie, v. III. Cambridge (MA), 1984, p. 292.

⁷⁸ Ullman R. Op. cit., v. 1, p. 134.

⁷⁹ Волков Ф.Д. Указ. соч., с. 25.

сотрудник дипломатической миссии Дании в Петрограде капитан А. Бран отметил: «Последние новости свидетельствуют о том, что правительство отказывается обеспечивать продовольствием тех, кто не является членом большевистской партии... Они (большевики. — *Е.С.*) осуществляют глубокую революцию, но не в виде улучшения условий жизни и благосостояния всего населения, а просто для продвижения своих принципов: деспотизма, жестокости и принуждения. Это показывает яснее, чем что-либо еще, насколько далеко российский обыватель отстоит от общепринятых норм западной культуры»⁸⁰.

Другой иллюстрацией служит донесение британского генерального консула О. Уордропа, направленной из Москвы в Форин оффис 17 декабря 1917 г.: «Ленин и Троцкий — агенты-монархисты, которые действуют по указаниям, полученным из Германии, желающей восстановить царский режим и не испытывающей потребности в близком соседстве России как социальной демократии, Германии, смертельно опасаящейся “большевистской заразы”, которая распространяется через ее границы»⁸¹. Даже Бьюкенен не удержался от выражения беспокойства в связи с прикомандированием в начале декабря 1917 г. семи германских офицеров связи к Смольному, где в то время работал Совнарком⁸².

6 декабря 1917 г. с личным письмом к У. Черчиллю обратился командор О. Локкер-Лэмпсон — начальник королевского военно-морского дивизиона броневтомобилей, сформированного в 1912 г. для спасения летчиков, сбитых в ходе воздушных боев. К началу 1917 г. это подразделение в составе 36 машин с экипажами и обслуживающим персоналом общей численностью 500 чел. было откомандировано британским командованием на Восточный фронт⁸³. После сетований по поводу провала корниловского выступления Локкер-Лэмпсон предложил министру следующий план действий: во-первых, поддержать части Каледина и Добровольческую армию на юго-востоке России под началом генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова, выделив им субсидию в 10 млн фунт. ст.⁸⁴; во-вторых, высадить десанты фронтовиков-добровольцев в Мурманске и Архангельске; в-третьих, сформировать антибольшевистскую армию из русских военнопленных, совершивших побеги на территорию союзников и нейтралов; в-четвертых, задействовать против советского режима дивизион Локкер-Лэмпсона, дислоцированный к началу декабря 1917 г. под Курском⁸⁵.

Рассматривая захват власти большевиками как «личное оскорбление»⁸⁶, Черчилль в речи 11 декабря 1917 г. заявил: «Россия полностью разгромлена германцами. Ее великое сердце разбито не только германской мощью, но и хитростью, не только немецкой сталью, но и золотом». Именно Россия, по мнению Черчилля, лишила Антанту уже видимой победы и подвергла союзников новым испытаниям, которые они не заслуживают, но которые их не сломят⁸⁷. В меморандуме для Кабинета от 31 декабря 1917 г. министр вооружений указал на фактическую ликвидацию Восточного фронта, что наряду с катастрофой под Капоретто и медленным прибытием американских дивизий на французский фронт, по его мнению, заставляло британцев «еще туже затянуть пояса», а правительство — отказаться от повышения заработной платы рабочим государственных предприятий⁸⁸.

⁸⁰ *Brun A.* Op. cit., p. 23.

⁸¹ Wardrope to the Foreign Office, 17.12.1917. — TNA, FO/800/205.

⁸² Бьюкенен — в Форин оффис, 7.12.1917 г. — *Бьюкенен Д.* Указ. соч., с. 372.

⁸³ *Perrett B., Lord A.* The Czar's British Squadron. London, 1981; *Голубинов Я.* Британские авиационные бронеморяки в России. — <http://warsport.ru>

⁸⁴ *Kennan G.* Soviet-American Relations, 1917–1920, v. 1. New York, 1967, p. 169–170; *Gardner L.* Op. cit., p. 154–155.

⁸⁵ Locker-Lampson to Churchill, 6.12.1917. — Cambridge University, Churchill Archives Centre (далее — CHAR), Churchill Correspondence and Papers, CHAR/2/95.

⁸⁶ *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Указ. соч., с. 24.

⁸⁷ *Gilbert M.* Winston S. Churchill, v. IV. Boston, 1975, p. 219.

⁸⁸ *Gilbert M.* Op. cit., v. IV, pt 1. Boston, 1978, p. 224–226.

Влиятельный журналист, заместитель главы Форин оффис по связям с парламентом Л. Эмери 22 декабря 1917 г. записал в своем дневнике: «Я подготовил короткий меморандум, который показывает, что для предотвращения доступа Германии к продовольствию из Одессы и нефти из Батуми, стоило бы что-нибудь предпринять с целью недопущения контроля большевиков за Южной Россией, даже если мы не сможем оказать им эффективное сопротивление»⁸⁹.

Некоторые британские политики выступали если не за дипломатическое признание большевиков, то хотя бы за фактическое сохранение рабочих контактов с правительством Ленина. Помимо представителей левых лейбористов Р. Макдональда, А. Гендерсона и Дж. Лэнсбери, которые занимали пацифистскую позицию, эти взгляды отчасти разделял Бьюкенен⁹⁰, а также такие деятели, как Р.Б. Локкарт — молодой дипломат, отправленный вскоре со специальной миссией в Россию, и генерал Я. Сметс — южноафриканский политик, член Имперского военного кабинета. С известными ограничениями с этой точкой зрения были согласны и ближайшие сотрудники Ллойд Джорджа, которого злые языки Форин оффис называли «Керенским на Западе»⁹¹.

Аргументацию сторонников достижения компромисса с советским режимом отразила газета «Нью-Йорк Таймс», которая в передовой статье от 28 ноября 1917 г. писала: «Чтобы сделать мир безопасным для демократии, из большевистской стихии должна возникнуть самостоятельная Россия, а этого можно достичь только при поддержке Великобритании, Франции и США»⁹². Аналогичные аргументы выдвигал Бьюкенен, который после возвращения на родину в беседах с Бальфуром и другими членами правительства «резко возражал против разрыва с большевиками на том основании, что это предоставит Германии полную свободу действий в ее отношениях с Россией»⁹³. Оправданием необходимости сотрудничества Великобритании с советским правительством было утверждение, что это правительство выполняло роль главного сдерживающего фактора против распространения всеобщей анархии, грозившей поставить крест на существовании России как суверенного государства, а, следовательно, на стабилизации послевоенного международного порядка в Европе. Причем большевики сами пропагандировали этот тезис⁹⁴.

Промежуточную точку зрения отстаивали адепты выжидательной тактики, основанной на неуверенности в том, что максималисты сумеют удержаться у власти в России. Большинство сотрудников департамента политической разведки Форин оффис, включая таких экспертов, как А. Тойнби, Р. Сеттон-Уотсон, Дж. Хедлем-Морли, считали, что следует подождать, как будут развиваться события⁹⁵. Мнение этой группы отразил руководитель МИД А. Бальфур. 9 декабря 1917 г. он выступил с меморандумом, в котором, с одной стороны, доказывал невозможность удержать восточного союзника в войне, с другой — призывал коллег по Кабинету предпринять все возможные шаги для того, чтобы в руки немцев попало как можно меньше военного имущества и стратегических материалов на территории бывшей царской империи: «Никакая политика не стала бы более фатальной, чем та, которая бы дала России повод для при-

⁸⁹ Diary, 22.12.1917. — CHAR, Amery Diaries, AMEL/7/18.

⁹⁰ По рекомендации Бьюкенена в декабре 1918 г. Кабинет принял решение о снятии ареста с М.М. Литвинова и Г.В. Чичерина, который был выслан в Россию. — *Берти Ф.* За кулисами Антанты. М., 2014, с. 305.

⁹¹ Diary, 4.1.1918. — CHAR, AMEL/7/14. Опасения протестного движения трудящихся под влиянием лейбористов заставили правительство Ллойд Джорджа пойти на контакты с большевиками. — *Берти Ф.* Указ. соч., с. 317.

⁹² *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapell Hill — London, 1995, p. 62.

⁹³ *Бьюкенен Д.* Указ. соч., с. 389.

⁹⁴ Garstin to his mother, 8.12.1917. — Denis Garstin and the Russian Revolution: A Brief Word in Memory. Ed by H. Walpole. — Slavonic and East European Review, 1939, v. XVII, № 51, p. 595.

⁹⁵ *Иванов А.А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе в 1917–1918 гг. — Вопросы истории, 2012, № 10.

глашения германских офицеров и солдат как друзей и спасителей». Бальфур убеждал коллег в том, что Великобритании следует использовать перемирие русских с противником к максимальной выгоде для себя, чтобы продемонстрировать союзным и нейтральным странам, каким тяжелым бременем могло бы лечь на них господство Германии в Европе, если победу в войне одержит Четверной союз⁹⁶. Объясняя в мемуарах свое согласие на предложение Бальфура «предоставить себя воле стихии», Ллойд Джордж отмечал: «Будь вся Россия под властью большевиков, наш курс был бы ясен. Мы вели бы с ними переговоры, как с русским правительством де-факто»⁹⁷.

Таким образом, проведенное исследование опровергает мнение об исключительно враждебном восприятии Октября 1917 г. английским истеблишментом. Нельзя поддерживать и точку зрения некоторых зарубежных авторов о начале «холодной войны» между Западом и Востоком сразу же после прихода к власти большевиков⁹⁸.

В реальности ситуация была гораздо более сложной: наряду с негативной реакцией большей части британского общества по отношению к власти Советов имелось немало сторонников налаживания конструктивного диалога с правительством Ленина, хотя бы в целях доведения Великой войны до победы. Англичане, симпатизировавшие политическим лозунгам, провозглашенным в первых декларациях и декретах советской власти, по своему социальному статусу принадлежали не только группам леволиберальной интеллигенции; их можно было встретить и среди прагматически мыслящих представителей правящих кругов. Хотя, по справедливому замечанию лейбориста Ф. Сноудена, влияние событий российской революции 1917 г. прежде всего на молодых членов рабочей партии было скорее эмоциональным, чем рациональным⁹⁹.

Для пролетариев, сельских тружеников и средних слоев эпохальные события в России еще долго оставались «вещью в себе»; к их осмыслению британское общество в полной мере перешло лишь после окончания Первой мировой войны, в процессе мирной реконструкции 1919–1922 гг. Общественное мнение на Западе, особенно в его левом спектре, оказалось в процессе этого осмысления расколото на тех, кто был склонен воспринимать большевизм как воплощение мечты о победе над капитализмом, и тех, кто рассматривал политику «народных комиссаров» как предательство идеалов революционных романтиков: в Советской России были попорчены демократические права и свободы¹⁰⁰.

К основным причинам, которые не позволили британцам составить однозначное мнение о большевистском Октябре, в отличие от единодушного бурного одобрения свержения царизма восемью месяцами ранее, следует отнести: во-первых, слабое представление о реальных целях российских «максималистов»; во-вторых, наивный расчет на соблюдение большевиками обязательств союзника Великобритании по Антанте; в-третьих, иллюзию реализации внешнеполитической программы большевиков по заключению мира на справедливых условиях; в-четвертых, надежду на сохранение в России демократических свобод, завоеванных в Феврале 1917 г.

Как показали дальнейшие события, иллюзорные представления британцев о большевистской России быстро уступили место сначала попыткам сотрудничества в практических целях противодействия новому германскому наступлению, а вслед за провалом весной–летом 1918 г. «интервенции по соглашению», открытому разрыву, блокаде и мучительному процессу восстановления связей двух великих держав на протяжении первой половины 1920-х годов.

⁹⁶ Memorandum by Balfour, 9.12.1917. – TNA, CAB/23/4, W.C. 295; *Lloyd George D. War Memoirs*, v. V. New York, 1982, p. 2565; *Kennan G. Op. cit.*, v. 1, p. 169; *Page Arnot R. Op. cit.*, p. 121, 131–134; *Keeble C. Op. cit.*, p. 17–18; *Swain G. Op. cit.*, p. 121–122.

⁹⁷ *Ллойд Джордж Д. Военные мемуары*, т. V. М. – Л., 1937, с. 84, 88–91; *Kennan G. Op. cit.*, v. 1, p. 168–170; *Ротштейн Э. Указ соч.*, с. 61, 64–65.

⁹⁸ *Carley M. Op. cit.*, p. XIII–XIV.

⁹⁹ *Snowden P. Op. cit.*, p. 535; *Macdonald D., Dronfield J. Op. cit.*, p. 47.

¹⁰⁰ *Malia M. Op. cit.*, p. 297–300; *Сумс Н. Указ. соч.*, с. 25–30.